

Марина Михайловна
ФРОЛОВА

ХОРВАТСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ВОЖДЬ «ИЛЛИРИЙЦЕВ» ЛЮДЕВИТ ГАЙ*

Аннотация:

В статье рассматриваются жизненный путь и деятельность выдающегося просветителя Хорватии Л. Гая (1809–1872), отмечаются основные этапы его становления как общественного деятеля и лидера иллирийского движения. Много внимания уделено освещению контактов Гая с Россией и обстоятельствам его пребывания в Москве.

Ключевые слова:

Л. Гай, Я. Коллар, «Великая Иллирия», И.И. Срезневский, А.Х. Бенкендорф, М.П. Погодин.

Abstract: M.M. Frolova “LJUDEVIT GUY: THE CROATIAN ENLIGHTENER, LEADER OF “ILLYRIANS””

The article discusses the life and work of the outstanding educator of Croatia L. Guy, notes the main stages of his formation as a public figure and leader of the Illyrian movement. Significant attention is paid to covering Guy's contacts with Russia and the circumstances of his stay in Moscow.

Keywords:

L. Guy, J. Collar, “Great Illyria”, I.I. Sreznevsky, A.Kh. Benckendorf, M.P. Pogodin.

Людевит Гай (1809–1872) вошел в историю Хорватии как выдающийся просветитель, лингвист, создатель хорватского алфавита, поэт, журналист.

Л. Гай родился в семье состоятельного аптекаря в городке Крапина, который лежит, стиснутый между горами, в живописном Загорье. Уже в детстве у Гая возникло убеждение, что его родина являлась удивительным местом — колыбелью славянства. Он не раз слышал народное предание о том, что в давние времена в замках на холмах у г. Крапина жили три брата — Чех, Лех и Мех. Не желая подчиняться римлянам, они подняли восстание, но силы были не равны. Спасаясь от порабощения, братья увели свой народ из этих мест, и их новые поселения положили основание Чехии, Польше и Московии. В памяти Гая остались также слова его матери, не скупившейся на подаяния беднякам в неурожайные годы. Она неоднократно говорила сыну, что нищета уйдет и народ разбогатеет, как только он обретет знания из книг, напечатанных на понятном ему языке. Как известно, длительное

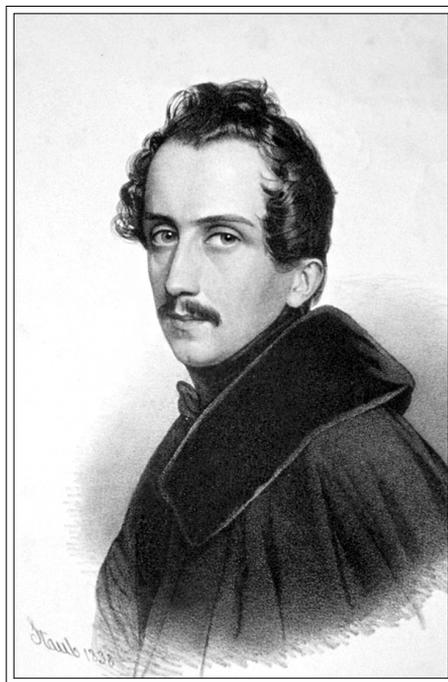
* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

время в Хорватии латинский язык был языком католической церкви и делопроизводства, суда и образования, а в самой Австрийской империи, частью которой являлась Хорватия, в XIX в. официальным языком являлся немецкий. Мысли о родстве славян и о настоятельной необходимости иметь книги на родном языке определили последующую деятельность Гая и, в конечном итоге, его судьбу.

XIX век — век национальностей. Из факторов, которые способствовали росту национального самосознания у славянских народов, входивших в полиэтническую монархию Габсбургов, следует указать следующие: подъем экономики и торговли, что привело к ликвидации средневековой изолированности земель, идеи эпохи Просвещения, наполеоновские войны, а также внутренняя политика венского правительства, направленная на централизацию государства.

В первоочередные задачи, стоявшие перед хорватами, входило создание общего литературного языка и единого правописания, что должно было содействовать в решении главного вопроса — объединения народа в одном государстве. После Венского конгресса 1815 г., обустроившего Европу в результате победы над Наполеоном, Хорватия с некоторыми отголосками автономии сохранила свое пребывание в составе Венгерского королевства, с которым заключила унию еще в 1102 г. Сюда же входила Славония, а Военная граница, Истрия и Далмация подчинялись непосредственно Вене. Разными в этих провинциях были и государственные языки: латинский, немецкий, итальянский. Да и сам хорватский язык имел несколько основных диалектов (кайкавский, чакавский и штокавский), получивших свои названия от произношения слова «что» — «кай», «ча» и «што». Авторы, писавшие на них, по своему усмотрению приспособляли латинский алфавит к родной речи. Центром, который начал собирать хорватские земли, стала Хорватия, поскольку в ней сохранилось дворянство, имевшее вес и значение в политической жизни Венгерского королевства и Австрийской империи.

Чаяния о воссоединении хорватского народа, которые были высказаны еще в XVIII — начале XIX вв. (францисканцем, поэтом и философом А. Качич-Миошичем, священником и драматургом Т. Брезовачким, епис-

Людевит Гай.
Портрет

копом М. Врховацом и др.), Людевит Гай постигал в годы учебы. Он обучался в училище при монастыре францисканцев (г. Вараждин), в гимназии (г. Карловац), на философском факультете университета в Вене (1826 г.), а затем в Граце, с 1829 г. в Пештском университете слушал курсы по венгерскому праву, словесности и истории. В Лейпциге он получил звание «доктора философии». В библиотеках юный Гай усердно искал сведения о родном городе, которые поместил в своей первой книге «*Brevis description loci Krapinae*» («Краткое описание места Крапины»). Автору тогда шел 15-й год. Ее удалось опубликовать через два года, в 1826 г., когда она была переведена с латинского языка на немецкий («*Die Schlösser bei Krapina*»). Первые стихотворные произведения Гая, написанные на его родном кайкавском диалекте, также посвящались красотам Загорья. В студенческие годы Гай уже штудировал историю своего народа, собирал песни и пословицы. Он был активным членом кружка в Граце — «Иллирийского клуба», состоявшего из хорватов, сербов, словенцев. Здесь он впервые познакомился с кириллицей, выучился штокавскому диалекту и прочитал сербские народные песни, изданные сербским лингвистом и фольклористом В. Караджичем (1787–1864). Молодые люди мечтали о просвещении своего народа через создание училищ, ученых обществ, музеев. Книжные сокровища университетской библиотеки г. Пешта и Венгерской национальной библиотеки, основанной графом Ф. Сечени (1754–1820), возбудили в Гае стремление собрать подобную библиотеку и для южного славянства.

В Пеште Гай познакомился со словацким пастором и проповедником культурного сближения славян (славянской взаимности) Я. Колларом (1793–1852), имевшим огромное влияние на всю славянскую молодежь. Его восторженная поэма «Дочь Славы» (1824), в которой были воспеты история славян, героические деяния предков, их высокая духовная культура, производила на славян ободряющее, живительное впечатление, обширные отрывки из нее заучивали наизусть. Мысли Коллара о всеславянской взаимности и близком общем возрождении славянства, как и осознание своей принадлежности к замечательной славянской общности, подкрепляли стремления хорватов защищать свою идентичность от онемечивания, или мадьяризации, или италиянизации (для Далмации). Коллар, обучая Гая чешскому языку, рассказал ему о своих взглядах на общеславянское правописание, на важность газет для пробуждения в народе чувств самосознания. В 1830 г. Гай опубликовал грамматику хорватского языка — «Краткая основа хорватско-славянского правописания» («*Kratka osnova hrvatsko-slavenskoga pravopisanja*»), в которой подчеркивал необходимость единой орфографии для всех хорватов. По примеру чешской графики он использовал латинский алфавит, а для передачи звуков хорватской речи ввел надстрочные знаки. Преобразованная Гаем латиница впоследствии стала называться гаицей или гаевицей.

Гай был наделен не только талантом оратора и умением убеждать, но и харизмой лидера. Обладая уже довольно обширным кругом знакомств,

он стал активно агитировать, а также рассылать письма с призывом переходить на новую графику. Но этого было недостаточно, нужна была газета, орган, вокруг которого смогли бы объединиться патриотические силы страны. К претворению в жизнь этого замысла Гай приступил по окончании университета, когда в начале 1832 г. обосновался в Загребе. Здесь он нашел единомышленников, которых воодушевил своим энтузиазмом, красноречием и энергией. Он обратился к венгерским властям за разрешением издавать литературный журнал, но получил отказ. Поддержка пришла из Вены, где Гай был благосклонно принят канцлером князем Меттернихом (1821–1848 гг.), а затем на аудиенции у императора Франца II (1768–1835), который дал свое согласие и на издание политической газеты. В 1835 г. начала выходить первая национальная газета «Novine Horvatske» («Новине хорватске») с литературным приложением «Danicza horvatzka, slavonzka y dalmatinzka» («Даница хорватска, славонска и далматинска», т.е. «Заря хорватская, славонская и далматинская»). Правда, Гай вводил новую орфографию постепенно: первые номера газеты были напечатаны старой орфографией и на кайкавском диалекте, с 10-го номера стали появляться стихотворения в новой графике, а с 28-го номера «Даница» начала выходить полностью в новой орфографии и на штокавском наречии, на котором говорили подавляющая часть хорватов и всё сербское население в разных землях. К тому же, он был богаче лексически и на нем уже была создана значительная литература.

Со страниц изданий Гая начала проповедоваться идея о «Великой Иллирии», где на основе национального и культурного сближения благодаря литературно-языковому объединению должны были в будущем соединиться в одном государстве южнославянские народы. Для разъяснения своей мысли Гай прибег к красивому аллегорическому образу — сидящей деве с лирой в руках, где дева олицетворяла Европу, а лира — Иллирию, которая издавала прекрасные звуки. Но поднявшиеся вихрь с юга и запада и буря с востока и севера оборвали струны, под которыми подразумевались Горица, Истрия, Крайна, Штирия, Хорватия, Славония, Далмация, Дубровник, Босния, Черногория, Герцеговина, Сербия, Болгария и южная Венгрия. Чтобы преодолеть диссонансы и достичь гармонии, необходимо было привести звуки этих струн в одну мелодию. «Великой Иллирии» предназначалось противостоять попыткам мадьяризации хорватов. Гай и его сторонники также надеялись привлечь к себе православных сербов и боснийцев, что находило поддержку и в Вене. Но для большинства сербов центром притяжения являлся не Загреб, а Белград.

Воспоминание об Иллирии не случайно. С античности было известно это географическое название области на северо-западе Балканского полуострова вдоль северо-восточного побережья Адриатического моря. Даже Наполеон прибег к нему, создавая в 1809 г. из полученных от Австрии по Шёнбруннскому миру областей, «Иллирийские провинции», которые в 1813 г. вновь достались Габсбургам. Мысль о Великой Иллирии,

о славянском происхождении населения древней Иллирии, представление об Иллирии как о великом царстве всех южных славян встречались уже в сочинениях XVIII в. таких историков как М. Орбини, Й. Раич и др. Но эти труды предназначались специалистам и были малодоступны. Появление прессы помогло Гаю широко распространять в обществе идею единства «иллирийских» народов; и оно должно было действительно состояться, по его глубокому убеждению, через переход на общий литературный язык и единую орфографию. В народе следовало развить потребность к чтению, к употреблению иллирийского языка, создать свой театр, литературу, музыку, учредить библиотеки, научные и другие общества. В 1836 г. Гай поменял название своей газеты на «Илирске народне новине» («Iirske narodne novine»), а журнал на «Даница илирска» («Danica ilirska»).

Начинания Гаю получили содействие и со стороны католического духовенства, в руках которого находилось народное образование. Загребский епископ А. Алагович (1830–1837 гг.) распорядился о приобретении для библиотек епархии изданий Гаю. Учителя стали приверженцами иллиризма, и новое поколение хорватов воспитывалось на идеалах этого движения. Огромной популярностью пользовался курс хорватского языка доктора наук М. Смодека в Королевской академии наук в Загребе, высшей школе в Хорватии. Правда, первая его лекция была на латинском языке. Да и сам Гай и его сподвижники в своем кругу рассуждали чаще на немецком языке. И тем не менее, идеи Гаю завоевывали умы хорватов, а успех его деятельности наглядно проявился в том, что в начале 1840-х годов даже надписи на большей части лавок и гостиниц в Загребе, на конфетах в кондитерских были сделаны «на иллирийском языке», и повсюду слышалось «хорвато-иллирийское наречие»¹, свидетельствовал русский ученый И.И. Срезневский, совершавший путешествие по славянским землям Австрийской империи и посетивший Загреб 20–30 марта 1841 г. Он констатировал, что за шесть лет была уже создана значительная литература, и список имен авторов и их произведений был весьма внушительный. С 1835 по 1848 гг. в изданиях Гаю приняли участие практически все писатели и поэты Хорватии. Между ними первое место, считал Срезневский, «если не по слогу и множеству сочинений, то по духу возбуждения, по влиянию на всех других, бесспорно, принадлежит незабвенному Гаю»². Особой популярностью пользовалось его стихотворение «Еще Хорватия не погибла», написанное в 1833 г. и напечатанное в 1835 г. в «Данице». Оно перекликалось с известным гимном польских легионеров «Еще Польша не погибла» 1797 г. Положенное на музыку, оно звучало на вечерах, собраниях, концертах и на улице. Оно стало символом хорватской патриотической поэзии на новом языке³.

В 1836 г. Гай выступил с предложением создать в Хорватии общество просвещенных людей, которое бы содействовало подъему образования в стране в народном духе. Он надеялся, что это общество также возьмет на себя издание газеты и учредит типографию. Хорватский сабор одобрил это предложение, но требовалось разрешение венгерских властей

и санкции австрийского императора. Дело затянулось на целых шесть лет. А между тем в хорватских городах стали возникать читальни, для которых достаточно было постановления местной администрации. Не без активного участия Гая в Загребе открылась «Иллирийская читальня», которая превратилась в настоящий центр общественной и культурной, а затем и политической жизни всей Хорватии. Срезневский удостоверял, что «читальня иллирийская имела очень порядочную библиотеку, и помимо немецких, итальянских и венгерских журналов выписывала почти все славянские, издаваемые в Австрийской империи. Она получала также и некоторые иностранные — сербские, русские, польские. Она ежедневно была открыта и всегда полна»⁴. В 1842 г. на частные взносы здесь была учреждена «Матица илirsка» или «Общество иллирийского языка и словесности», общество наподобие чешского и сербского обществ, существовавших в Праге и Пеште. В его задачи входило развитие, издание и распространение литературы на родном языке, а также собирание средств для постройки здания для музея и народной библиотеки. В 1847 г. был торжественно открыт «Народный дом» в здании, купленном на собранные по подписке деньги (28000 гульденов). В нем разместились все иллирийские общества, а также коллекции и собрания, положившие начало народному музею.

Для решения вопроса об открытии типографии Гай обратился к императору Фердинанду I (1835–1848 гг.), и тот дал свое согласие. Типография начала работать в 1838 г., и была устроена прекрасно, считал Срезневский. Газета «Илirsки новине» стала выходить дважды в неделю и на больших листах. Профессор Московского университета Н.И. Надеждин (1804–1856), совершивший путешествие по славянским землям в 1840–1841 гг., сравнил Гая с известным русским просветителем и издателем Н.И. Новиковым (1744–1818), который также основал типографию и «сыплет в народ книгами на родном языке...»⁵.

В Хорватии на вечерах и публичных концертах исполнялись музыкальные произведения с пением на немецком или французском языках. Гай, не будучи музыкантом, прислушивался к народным мотивам и начал переключать патриотические стихи на свои напевы. Он старался внести в программы концертов народные песни. Так, в марте 1835 г. графиня Сидония Эрдеди (1819–1884), обладавшая красивым сопрано, по настоянию Гая впервые спела одну хорватскую песню и его «Еще Хорватия не пропала». Это произвело необыкновенную сенсацию в обществе. Начали организовываться общественные вечера и балы, на которых звучал только хорватский язык.

Под эгидой «Иллирийской читальни» возникли сельскохозяйственное общество и иллирийский театр. В здании немецкого театра с огромным успехом шли спектакли, исполняемые на родном языке приглашенными труппами, например, из Нови Сада. Они давались в отличие от театра в Праге не по воскресеньям днем, но вечером по два, а иногда и по три раза в неделю, констатировал Срезневский. Однако денег на постоянную труппу

пу не хватало, несмотря на патриотический подъем в обществе. С 1842 по 1844 гг. в Загребе совсем не было слышно об иллирийском театре. С 1847 г. возобновились спектакли на хорватском языке, но положение театра упрочилось только в 1861 г., когда хорватский сейм выделил для него постоянную субсидию.

С целью пропаганды иллирийских идей Гай совершил поездку по Адриатическому приморью и островам в 1839 г., в 1841 г. он путешествовал по Далмации, посетил Черногорию. И везде его принимали восторженно и торжественно. Гай мечтал привлечь к своему движению православных сербов, которые уже имели разнообразную литературу, напечатанную кириллицей. Для его типографии нужен был соответствующий шрифт, чтобы донести идеи иллиризма до более широкого круга славян на понятной им печати.

Замыслов у Гая было много, но на все требовались деньги. И он решил обратиться за помощью в Россию, откуда многие австрийские ученые-слависты получали значительные средства. Так, с 1825 г. В. Караджичу была назначена ежегодная пенсия, от Российской академии ему поступали и другие пособия, например, на поездки по славянским землям. В 1839 г. профессор Московского университета М.П. Погодин (1800–1875) передал известному чешскому и словацкому историку П.И. Шафарику (1795–1861) и чешскому филологу В. Ганке (1791–1861) немалую сумму — по 5000 руб. каждому на завершение их трудов. Подобный пример вселял надежду, и в 1838 г. Гай направился в Берлин, где был представлен генералу от кавалерии графу А.Х. Бенкендорфу (1782–1844), начальнику тайной полиции Российской империи, главнокомандующему Императорской главной квартиры и близкому другу императора Николая I. В 1837 г. граф очень тяжело болел, и на следующий год царь отправил его восстанавливать здоровье и сопровождать императрицу Александру Федоровну, которой также требовалось длительное лечение (пять месяцев) в Баварских Альпах. Гай рассказал Бенкендорфу о положении Хорватии и целях иллирийских патриотов и просил прислать в его типографию русский шрифт. Что отвечал граф — неизвестно, но хорватский лидер получил лично для себя небольшую сумму в 200 червонцев.

На следующий год поверенный Гая С. Херкалович прибыл в Петербург с просьбой о выдаче на иллирийские издания 52000 гульденов, однако получил лишь 300 червонцев на путевые издержки⁶. Тогда в 1840 г. в Россию отправился сам Гай. В Петербурге он поспешил к графу Бенкендорфу, но тот уезжал с императором за границу и дал ему рекомендательное письмо к министру народного просвещения графу С.С. Уварову. Тот выслушал Гая и ознакомился с его изданиями. Благодаря содействию графа Императорская Российская академия выделила вождю иллиров пособие в 5000 руб. ассигнациями⁷.

Но Гай рассчитывал привезти в Хорватию бóльшую сумму, поэтому поехал в Москву, где его встретили очень радушно, даже восторженно, в пер-

вую очередь, М.П. Погодин, его друг профессор Московского университета С.П. Шевырев (1806–1864), поэт, философ, впоследствии известный славянофил А.С. Хомяков (1804–1860). Погодин не знал Гая лично, но получал сведения о нем и об иллиризме из писем Шафарика. Хорватский гость представил ряд записок, сообщавших об Иллирии, о значении иллирийского движения для южных славян и о намерении ввести в своей типографии русский шрифт. Гай уверял, что кириллица послужит мостом для перехода хорватов от латинизма и католицизма к чистому славянству и православию. Кроме того, он предлагал России решить судьбу балканских славян, находившихся под властью Османской империи, оказав им политическую, экономическую и военную помощь⁸.

Москвичи начали подписку в пользу Гая и просили содействия у московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына (1771–1844). Погодин записал в дневнике свой разговор с князем: «Двести тысяч дать, ничего не значит, но если им не удастся, то надо будет за них (т.е. славян) вступить, а иначе, что же пользы? Вступить же можно только тогда, как решен будет иной образ действия. Теперь мы с Австрией за Турцию... Сколько же нужно для литературной помощи?». Погодин указал цифру в 15 тыс. руб. «Ну, это мы соберем». Однако Погодин подчеркнул, что для Голицына «дороже всего была Москва, Россия»⁹, а не дело развития национального духа у славянских народов.

Деньги собирались с огромным трудом, поскольку на лето дворяне покидали город, разъезжаясь по своим поместьям. Кроме того, в этот период экономическое положение помещиков Московской губернии было чрезвычайно тяжелым. 1839 год выдался очень неурожайным, а 1840 год превзошел его своими бедствиями: почти весь хлеб на полях погиб. Чтобы предотвратить голод, помещики кормили крестьян на свои средства. В 1840 г. российский император только для нуждавшихся в Москве выделил 1 млн руб. на покупку хлеба, а еще 1,5 млн руб. собрали московские купцы¹⁰. Поэтому, когда Погодин обратился к губернскому предводителю московского дворянства графу А.И. Гудовичу, тот ответил: «Сердечно желал бы сделать пособие Гаю, но, во-первых, московские помещики находят нынешний год в таких тесных обстоятельствах, что вовсе неуместно было бы пригласить их к каким-нибудь издержкам, а во-вторых, время так коротко, что и во всяком случае не можно было бы ничего сделать»¹¹.

Гай гостил в Москве недолго, и москвичи старались познакомить его с городом, с его стариной, обычаями, театром, интересными людьми. Вскоре Гай уехал в Петербург — вновь искать поддержки своим планам у официальной России. Хомяков прокомментировал результаты пребывания Гая: «Москва поклонилась Гаю *двадцатью тысячами* руб., что даст Петербург, не знаю; а хорошо делает первопрестольный град, когда подумаешь, какой *тяжкий* год и как пуст город летом»¹². Впоследствии Погодин отмечал, что Гай увез с собой более 12 тыс. руб. (5 тыс. дал князь Голицын)¹³, но сборы продолжились и осенью¹⁴.

Посещение Гаю Петербурга не оправдало его надежд: «здесь он ни в чем не успел»¹⁵, — писали Погодину из северной столицы. По возвращении домой Гай обратился именно к Погодину с просьбой помочь ему приобрести для иллирийского музея выставленное на продажу большое собрание славянских и латинских рукописей и книг, а также разных древностей и редкостей. В письме из Загреба от 18 ноября 1843 г. он сообщил в Москву о покупке упомянутого собрания вместе с другим, меньшим по объему, но столь же важным по содержанию, за 16000 гульденов¹⁶.

Положительное впечатление, произведенное Гаем на Погодина, длилось недолго, поскольку от его многочисленных славянских корреспондентов стали поступать сведения об иллирийском вожде как о человеке «двусмысленном и сомнительном»¹⁷. Русский славист А.Ф. Гильдердинг откровенно писал, что Гай был известен как «одно из самых искусных орудий австрийской политики»¹⁸. Российский историк И.И. Лещиловская констатировала, что действительно Гай втайне получал субсидии от австрийского правительства. И в то же время он имел конспиративные связи с польской эмиграцией, с которой его объединяла заинтересованность в развале Австрийской империи¹⁹. Таким образом, в поисках хорватским лидером союзников иллирийскому движению вполне проявились противоречия его помыслов, дел и самой натуры²⁰. Следует подчеркнуть, что в это время Гай активно хлопотал о получении дворянства, поскольку в условиях сословной монархии к участию в представительных органах (хорватский «сабор») допускались только дворяне. А настойчивые изыскания Гаю в архивах документов о принадлежности его предков к привилегированному слою были тщетными.

Набиравшее силу иллирийское движение встречало серьезное противодействие со стороны венгров, не оставивших мысль мадьяризировать хорватов, а также части хорватских дворян (аристократии и крупных помещиков), названных мадьяронами (мадьярофилами). Они стремились к политическому слиянию Хорватии и Славонии с Венгрией. Водоворот политической борьбы втянул и Гаю. Он сформулировал лозунг «Да хранит Бог венгерскую конституцию, Хорватское королевство и иллирийскую народность!». Следовательно, он выступал за автономию в составе Венгерского королевства объединенных Хорватии, Славонии и Далмации, а также за культурное объединение южных славян, в первую очередь, хорватов, сербов и словенцев.

Накал политических страстей в Хорватии насторожил венское правительство. Император Фердинанд I, поначалу благоволивший к Гаю и даже наградивший его в 1839 г. бриллиантовым перстнем, как знак высочайшей милости и признательности за его литературные труды, сменил милость на гнев. В 1843 г. императорский декрет запретил употребление в печати понятий «Иллирия» и «иллиры», а также ужесточил цензуру. Гаю пришлось менять название своих изданий. Правда, в 1845 г. из-за возросших венгерских притязаний венский двор отменил свой запрет, смягчил цензуру, дал

разрешение на учреждение кафедры хорватского языка и литературы в загребской академии. В 1848 г. хорватский язык стал государственным языком в Хорватии и Славонии.

В сложных обстоятельствах и перипетиях революции 1848 г. Гаю не удалось удержаться на прежней высоте, не хватило политического чутья и дальновидности, да и его противники были более искусными. Кроме того, он оказался весьма непрактичным и неаккуратным в денежных делах. В 1840-х годах, в зените славы, и чтобы поддержать свой имидж как вождя иллиров, Гай вел роскошную жизнь, устраивал бесконечные приемы, двери его дома были гостеприимно распахнуты для всех патриотов, приезжавших в Загреб. В 1850 г. из-за материальных затруднений Гаю пришлось отдать свои издания и даже типографию венскому правительству и уйти в тень. Эпизодические попытки вернуться в общественно-политическую жизнь страны не увенчивались успехом — новое поколение хорватов-патриотов пришло ему на смену. Последние 15 лет своей жизни он сильно нуждался. Впрочем, в 1867 г. Гай сумел приехать в Россию на Славянский съезд, но затерялся в толпе гостей.

В 1909 г. в Хорватии отмечали 100-летие со дня рождения Л. Гая. Известный хорватский ученый В. Ягич (1838–1923) так оценил его вклад в письменную культуру страны: «...для литературного объединения целой западной части южного славянства в одном (чешском) правописании и в одном (штоковском) литературном языке заслуги Гая идут в уровень с заслугами Вука (Караджича. — М. Ф.): один распространял народный язык под флагом сербства, другой — под флагом иллирства. Название иллирское уступило место исторически и этнически более оправданному, именно хорватскому»²¹.

Л. Гай не был ни даровитым писателем, ни маститым ученым, ни крупным политиком, но он смог разбудить дремавшие силы хорватского народа. Он стал одним из самых блестящих и деятельных представителей иллиризма, «осью», по словам Я. Коллара, вокруг которой вращалась «духовная и народная жизнь в Загребе и даже всей Хорватии»²².

ЛИТЕРАТУРА

- Despalatović E.M.* Ljudevit Gaj and the Illyrian movement. New York–London, East European Quarterly, 1975. 271 p.
- Кулаковский П.А.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. 516 с.
- Лециловская И.И.* Гай Людевит // Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII — середина XIX в. СПб.: Алегейя, 2012. С. 87–109.
- Лециловская И.И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М.: Наука, 1968. 337 с.
- Лециловская И.И.* Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013. 460 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В.А. Францев. СПб., 1905. С. 963, 966.
- ² Там же. С. 964.
- ³ *Лециловская ИИ.* Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013. С. 293.
- ⁴ Там же. С. 965.
- ⁵ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 6. СПб., 1892. С. 139.
- ⁶ *Кулаковский ПА.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. С. 289.
- ⁷ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5. СПб., 1892. С. 445; *Кулаковский ПА.* Иллиризм. С. 292.
- ⁸ *Despalatović ЕМ.* Ljudevit Gaj and the Illyrian movement. New York, 1975. P. 117–118.
- ⁹ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5. С. 446.
- ¹⁰ *Варадинов Н.* История министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3. Кн. 2. С. 533, 541.
- ¹¹ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5. С. 447.
- ¹² Там же. С. 447.
- ¹³ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 13. СПб., 1899. С. 111.
- ¹⁴ Погодин в речи, произнесенной в 1867 г., указал, что для Гая в Москве собрали 17500 руб.
- ¹⁵ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5. С. 448.
- ¹⁶ *Попов НА.* Людевит Гай в России в 1840 г. // Древняя и новая Россия. 1879. № 8. С. 284.
- ¹⁷ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 13. С. 111.
- ¹⁸ *Гильфердинг АФ.* Славянские народы в Австрии и Турции // Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1868. С. 81.
- ¹⁹ *Лециловская ИИ.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М.: Наука, 1968. С. 174–181.
- ²⁰ *Лециловская ИИ.* Гай Людевит // Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII — середина XIX в. СПб.: Алетейя, 2012. С. 101.
- ²¹ Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). (под ред. Б.Д. Грекова). М.-Л., 1948. С. 293.
- ²² *Кулаковский ПА.* Иллиризм. С. 97.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Людевит Гай. Портрет.
2. Людевит Гай. Портрет.
3. Титульный лист: «*Kratka osnova hrvatsko-slavenskoga pravopisanja*».
4. Людевит Гай. Загреб.